

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ: ПОДХОД Д. АНДРЕЕВА

В. Л. Александров

Русский поэт и мистик Даниил Андреев задолго до появления термина «глобализация» предвидел неизбежность одноимённых процессов. Поэтому в своём труде «Роза мира» он большую роль отводит анализу формирования предпосылок толерантности в глобализирующемся обществе. Единое информационное и социальное пространство поставит лицом к лицу людей с принципиально различными, часто несовместимыми ценностями, идеалами, убеждениями. Эта ситуация чревата как ростом межкультурной, межконфессиональной напряжённости, конфликтности, так и потенциалом расширения пространства диалога и взаимного обогащения культур. Какая из этих тенденций перевесит – во многом зависит от эпистемологических оснований мировоззрений индивидов и общностей. Изложенный в «Розе мира» гносеологический плюрализм может служить примером глубокого и многоуровневого мировоззренческого синтеза.

Анализ гносеологических воззрений Д. Андреева показывает сочетание различных тезисов корреспондентской концепции истины («истина есть неискажённое отражение какого-либо объекта познания в нашем уме» [1, с. 23]), диалектической концепции (выделение истины абсолютной и относительной) и тезисов некоторых неклассических концепций истины (идеи восточных учений, «философии жизни» и русских религиозных философов о возможном тождестве субъекта и объекта познания при определённых условиях).

Одновременно Д. Андреев выдвигает ряд оригинальных гносеологических гипотез. Во-первых, это сочетание двух классификаций истин: деление их не только на абсолютные и относительные, но и на универсальные и частные, что в сумме даёт четыре возможные комбинации видов знания. Абсолютная истина универсальная «есть достояние только Всеведущего Субъекта» [1, с. 23], т. е. Бога. Абсолютная истина частная есть совершенное знание о каком-либо объекте при условии полного слияния субъекта с этим объектом (для монады – сотворённой Богом духовной бессмертной сущности – такое знание невозможно, например, пока она находится в таком ограниченном материальностью нашего слоя облике, как человек или тем более животное). Относительная истина универсальная есть неполное, несовершенное знание о мире в целом. Таковы мифологические, религиозные, философские системы, ибо они претендуют – с разной степенью обоснованности – на предельно широкое, системное описание и объяснение всей реальности. Наконец, относительные истины частные есть неполное, несовершенное знание о какой-либо части реальности индивидуальным или коллективным субъектом познания (верующими религиозной конфессией, представителями народа или государства, современниками эпохи или носителями цивилизации, сторонниками

философского направления, художественной школы, научной теории и т. д.). По Д. Андрееву «именно родственность многих субъектов между собой обуславливает то, что родственны и их личные варианты той или иной истины»[1, с. 23]. Но, с другой стороны, разница условий и форм бытия прямо пропорционально влияет на невозможность понимания субъектами друг друга. Условно говоря, Аристотель мог узнать, что Земля круглая и что она вращается вокруг Солнца, уже через пять минут после смерти (не исключено, что так же быстро эту истину узнал даже его неграмотный раб), но характер материальности каждого слоя, в том числе материи как носителя разумного начала, может так сильно отличаться от материальности других слоёв (например, нашего), что это знание Аристотель (и кто бы то ни было) не может передать воспринимающим сознаниям в тех образах и понятиях, к которым они привыкли в рамках существующего уровня развития коллективного разума. Поэтому для утверждения знания о шарообразности и вращении Земли человечество как коллективный субъект (в начале – в лице своих великих учёных и мыслителей, а потом постепенно и остальных) вынуждено было пройти долгий путь в несколько тысячелетий от выдвижения данной гипотезы (в той же античности) до её победы в научном, а затем массовом сознании. Тем более ни в каких образах и понятиях невозможна была бы передача знания об устройстве Вселенной на уровне астрономии и физики XX века даже величайшим из мыслителей и учёных предыдущего столетия, не говоря уже о давних временах.

Таким образом, согласно Д. Андрееву есть две линии познавательного прогресса: путь личного совершенствования, только ничтожным отрезком которого является обычная человеческая жизнь от рождения до смерти в нашем слое, и путь коллективного роста знания, когда субъектом выступает та или иная группа (от семьи и научного коллектива до человечества), каждая из которых движется в своих поисках истины с разной скоростью и по разным траекториям, пересечение которых задаёт как точки роста, так и точки конфликтов и противостояний. Именно поэтому у Д. Андреева, как и у Данте, большую роль играет описание посмертного существования сотен людей – правителей и полководцев, злодеев и святых, философов и художников, ибо их жизнь (включая познание и творчество) не просто продолжается, но тысячами нитей связана с жизнью людей «здесь и сейчас»: каждым поколением, народом, цивилизацией, всем человечеством. Это можно назвать вариантом ноосферной концепции Земли, трактуемой, конечно, не с узко материалистической точки зрения, но и не с позиций идеалистического имперсонализма (Брахман веданты, Нирвана буддизма, Мировая воля А. Шопенгауэра, Единое Плотина), ибо в рамках последнего всё отдельное, частное, индивидуальное, тем более земное и материальное, несправедливо игнорируется, оказываясь в конечном счёте иллюзией.

Такая трактовка истины по Д. Андрееву влечёт за собой существенные мировоззренческие выводы. Она позволяет в религиозной, философской, научной, политической, повседневно-бытовой сферах жизни так выстраивать познание и коммуникацию, что любые расхождения, различия во взглядах и

убеждениях могут стать не источником противоборства (как это часто бывает), а полем для синергического творчества во взаимно терпимых дискуссиях, а также импульсом для собственного совершенствования, исходя из понимания принципиальной ограниченности любой, в т. ч. собственной картины мира. Иначе говоря, каждый человек или группа должны чувствовать и понимать, что они в принципе могут быть неправы – в той или иной степени. Они должны быть стихийными «философами» - критически относиться не только к другим, но и к себе (что в истории получалось не всегда даже у самих философов). Но вместе с тем они должны быть по известной заповеди Христа детьми – доверчивыми и любознательными, открытыми миру. Продвижение от частных относительных истин к частым абсолютным, тем более к частным универсальным, может ускориться именно при таком широком подходе.

Сам Д. Андреев приводит несколько примеров развёрнутых рассуждений, которые потенциально позволяют примирить застарелые, казалось бы, неразрешимые антагонизмы: внутри- и межрелигиозные, философские, культурные. К таковым он относит псевдо-противоречия между единственностью и множественностью воплощений одного и того же существа, между монотеизмом и политеизмом, креационизмом и эволюционной теорией, материализмом и идеализмом, теизмом и пантеизмом. Для снятия подобных противоречий «не требуется ничего, кроме отказа каждой из сторон от претензий на универсальную исключительность своей идеи» [1, с. 25]. В познании общественной жизни (а значит, потенциально, и в ней самой) вполне преодолимы противоречия между глобализмом и патриотизмом, линейными и нелинейными трактовками истории, европоцентризмом и полицентризмом, телеологией и каузальностью, свободой воли и провиденциализмом, научно-техническим прогрессом и экологическим сознанием и поведением, экономическим достатком и жаждой духовного развития. В этом и философски, и социально-политически Д. Андреев выступает прямым наследником В. Соловьёва, для которого всеединство (в любой области) было не унификацией, усреднением и обеднением жизни, а наоборот, означало единство многого, расцвет разнообразия, полноту существования. Такая полнота и гносеологически, и практически может быть только многомерной, многослойной, многоуровневой. И наоборот, любое упрощение, уплощение, примитивизация сознания и жизни – печальный залог конфликтов, неизбежных в мире догматизма и фанатизма. Религиозный, политический и любой другой экстремизм – только следствие этой узости сознания, убогости психического уклада жизни. Концепция Д. Андреева в этом плане предстаёт как вариант иммунной интеллектуальной «прививки» от догматизации сознания и радикализации деятельности, независимо от форм их проявления.

Литература и источники

1. Андреев, Д. Л. Роза мира / Д. Л. Андреев. – М., 1991.